

Rocznik Tatarów Polskich

seria 2

Czasopismo naukowe i literacko-społeczne poświęcone
historii, kulturze oraz teraźniejszości Tatarów w Polsce
i Europie Środkowo-Wschodniej

Tom V (XIX)

Muzułmański Związek Religijny w RP
Najwyższe Kolegium Muzułmańskie

2018 (1439/40)

Михайло Якубович

ПЕРЕВОДЫ КОРАНА НА УКРАИНСКИЙ ЯЗЫК: КРАТКАЯ ИСТОРИЯ

Как и во многих других языковых традициях Восточной Европы, вопрос перевода смысла Корана на украинский сегодня волнует как рядовых читателей, так и украинских мусульман. Помимо презентаций, связанных с появлением первого полного перевода с арабского языка (издаваемого с 2013 года), также существует потребность в исследованиях предыдущих работ, в том числе и переведенных не с оригинала. Сегодня определенный интерес к этой теме проявляют востоковеды и, отчасти, некоторые мусульманских объединения. Например, в 2010 году одна из исламских организаций (Ассоциация «Альраид») провела круглый стол, посвященный известнейшему исламскому деятелю XX века, переводчику Корана Мухаммаду Асаду (1900–1992), родившемуся во Львове. Хотелось бы верить, что и его прекраснейшее сочинение “The Road to Месса” («Путь в Мекку») в один прекрасный день будет издано и на украинском языке.

С переводами Корана ситуация обстоит еще сложнее – даже в годы украинской независимости встречаемся лишь с четырьмя (как частичными, так и полными) переводами, пока лишь начинающими свое распространение (Я. Полотнюка, В. Рыбалкина, В. Басырова, а также автора настоящей статьи). Как свидетельствуют даже поверхностные исследования, большинство не знакомых с арабским языком мусульман Украины раньше предпочитали русскоязычные труды. Таких, по нашим подсчетам, более 20 – от самых древних переводов Веревкина (1790), Николаева (1864) до новейших Эльмира Кулиева (2002) и самого нового многотомного издания Шамиля Аляутдинова (2009, 2010, 2011). Интересно, конечно, отметить,

что и среди русских переводов существует далекий «украинский след»: именно в Украине родился и Алексей Колмаков (дата рождения точно не установлена)¹, и Теодор Шумовской (1913–2012)², и Бетси Шидфар (1928–1993).³ В сфере науки также доминируют русскоязычные тексты: в нескольких украиноязычных диссертациях исламоведческой тематики, с которыми автору приходилось знакомиться в последние годы, цитаты из Корана присутствовали в двойном переводе (арабский – русский, русский – украинский). В одной работе отметился даже «тройной» перевод, да еще и с ахмадийского первоисточника (арабский – английский, английский – русский, русский – украинский). Поэтому сложно найти для пока лишь формирующегося украинского исламоведения (как исламского, так и академического) более важную задачу, чем популяризацию существующих и выполнение новых переводов. Особенно в контексте тех языковых настроений, которые усилились после 2013/2014 годов, когда украинский язык значительно расширил свои позиции, увеличилось число книг, переводов и др. А ведь если обратиться к историческим источникам (главным образом, архивным, неизвестным широкой публике), то можно найти в украинской истории и культуре очень много интереснейших вещей, связанных с рецепцией текста Корана. И, в первую очередь, переводами, которые по разным причинам оказались вне поля зрения современной науки.

Говорить о первом появлении перевода смыслов Корана в культурном пространстве Украины можно уже в период XVI–XVII веков. Одним из первых появившихся в Украине трудов, непосредственно касающихся Корана, было польскоязычное сочинение «*Alkoran Macometow. Nauka heretycka y zyдовska y poganska napelniony. Od Koheleta Chrystusowego rosproszony y zgromadzony*», изданный в 1683 году в Чернигове. Его автором был один из выдающихся православных полемистов Иоаникий Галятовский (1620–1688). Книга стала весьма популярной: два раза выполнялся русский перевод, носивший заглавие «Алькоран Магомета, изничтоженный кохелетом». Древнееврейское слово кохелет, иногда употреблявшееся

1 Колмаков Алексей Васильевич, http://russian_xviii_centure.academic.ru/392/Колмаков_Алексей_Васильевич

2 Российский востоковед Теодор Шумовский отмечает 95-летний юбилей, <http://i-r-p.ru/index.php?show=page&stream=event&index=17855>

3 Н. А. Успенская. О Бетси Яковлевне Шидфар / Шидфар, Б. Я. Образная система арабской классической литературы (VI–XII вв.). – М.: Издательский дом Марджани, 2011. – С. 12–13.

и в христианском лексиконе, означало «проповедник», то есть, в данном случае «защитник Иисусовой веры». Однако, как отмечает Е. Резван, на самом деле текст «Алькорана» не содержал ни одной подлинной цитаты из Корана настоящего⁴, что, в прочем, не отменяет других положительных свойств книги (отдельные главы довольно точно излагают исламское вероучение). Лишь в одном из уже написанных на староукраинском языке сочинений («Небо новое новыми звездами», Львов, 1665), Галятковский довольно точно приводит одну цитату из Корана (Коран, 3:45).⁵

Писал о Коране и русский князь Андрей Курбский (1528–1583), живший с 1564 года на Волыни (северо-запад Украины). И. Ю. Крачковский даже высказывал мнение, что Курбский проявлял «достаточно глубокий теоретический интерес» к исламу.⁶ Так, под руководством Курбского было переведено сочинение Иоанна Дамаскина «Беседа сарацина з христианином», содержавшее корректную цитату из Корана (Коран, 4:171).⁷ В одном из писем к князю Константину Острожскому Курбский также упоминает Коран, заявляя о том, что «у Магомета... в Алькоране нет хулы на Христа и мать его, которых он наполовину признает». Отметим, что и приведенные выше ссылки на Коран в литературе этого периода также относятся к историям 'Исы и Марьям. Это вполне объяснимо, поскольку у христианских апологетов в вызывали интерес вопросы, и играющие ключевую роль в их собственной религии.

Казалось бы, ждать более адекватного восприятия ислама в регионе в тот период не приходилось – в первую очередь, в силу политического противостояния с Османской империей, Крымским ханством и другими мусульманскими государствами. Однако существует еще одна культурная традиция, где текст Корана преподносился непосредственно, да еще и на национальных языках (польском, белорусском, староукраинском). Именно такой традицией были кетабы «литовских» татар (живущих, кроме Литвы, и в Польше, и в Беларуси, в Украине), которые уже в период XVI–XVII веков начали утрачивать свой родной язык. Именно эта, изначально тюркская среда, вводит в языковое поле славянских народов первый

4 Резван, Е. А. Коран и его мир. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. – С. 389.

5 Круминг, А.А. Первые русские переводы Корана, выполненные при Петре Великом // Архив русской истории. – 1994. – Вып. 5. – С. 229.

6 Крачковский И. Ю. История русской арабистики / И.Ю. Крачковский // Избранные сочинения. – М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1958. – Т. 1. – С. 27.

7 Там же. – С. 21.

перевод смыслов Корана, созданный уже в конце XVI века в регионе западной Беларуси. Этим периодом датируется первый фрагмент перевода. В целом сохранились несколько десятков полных и частичных тафсиров, переписанных в последующие столетия и содержащие как предыдущий, первый перевод, так и целый ряд новых попыток интерпретации коранического текста.⁸

Следующие вехи знакомства украинской культуры с Кораном также во многом имеют отношение к польскоязычным текстам. В Украине был известен, например, перевод Яна Мурзы Бучацкого, появившийся в 1858 году в Варшаве.⁹ Имели хождения и соответствующие русские переводы: уже существующие издания М. Веревкина (1790), А. Колмакова, (1792), К. Николаева (1864). Два экземпляра последнего сохранились в Национальной библиотеке Украины им. В. Вернадского.¹⁰ Известнейший российский востоковед татарско-украинского происхождения Агатангел Крымский (1871–1942), также, по-видимому, не ставил своей задачей подготовку перевода смыслов Корана на украинский; старейшие мекканские суры, что вполне естественно, были опубликованы в русском переводе.¹¹ Лишь отдельные фрагменты и реминисценции «на Коран» присутствуют в некоторых из его украиноязычных работ. Ограниченность в использовании украинского языка в царской России также сыграла здесь определенную роль: не было сформировано культурного запроса на перевод Священного Писания тогда еще казавшейся «экзотической» религии.

И все же существует несколько косвенных свидетельств, сообщающих нам о том, что где-то в период конца XIX – начала XX века некто «Владимир Лезевич» (Volodymyr Lezevyc) подготовил перевод смыслов Корана на украинский язык. Этот факт впервые приводится в известном «Списке переводов Корана» Мухаммада Хамидуллы (1908–2002), опубликованного в 1959 году в приложении к французскому переводу Корана (второе издание – 1966).¹² Дж. Пирсон в статье

8 Drozd, Andrzej. Koran Staropolski. Rozważania w związku z odkryciem tefsiru mińskiego z 1686 roku// Rocznik Biblioteki Narodowej. – 2004. – XXXVI. – S. 238.

9 Koran. Z arabskiego przekład polski Jana Murzy Tarak Buczackiego. – Warszawa: nakładem Aleksandra Nowoleckiego, 1858. – T. 1, 2.

10 Національна бібліотека України ім. В. І. Вернадського / Костомаров, 579; V A. 255.

11 Крымский А. Е. Лекции по Корану. – М., 1902; Крымский, А. Суры старейшего периода (перевод с объяснениями). Лекции по Корану, читанные в 1905 году. – М., 1905.

12 Hamidullah, Muhammad (en collab. avec M. Léturmy). Liste des traductions du Coran//Le Saint Coran: traduction et commentaire de Muhammad Hamidullah avec la collaboration de M. Léturmy. – Paris: Club français du livre, 1959. – P. LXV.

о Коране, подготовленной для авторитетнейшей «Энциклопедии ислама», также упоминает «частичный» и «рукописный» перевод Лезевича, однако ссылаясь лишь на уже цитированную работу Мухаммада Хамидуллы.¹³ В своей «Библиографии переводов Корана на европейские языки» (1983) Пирсон вообще не упоминает о переводах на украинский. Поэтому первоисточником его сведений, судя по всему, были исключительно сведения Мухаммада Хамидуллы. Сам же Мухаммад Хамидулла, готовя новые издания «Списка», исключил из него этот загадочный украинский перевод (он отсутствует в публикации и 1981, и 1989 года). Не проясняет ситуацию и труд арабского исследователя Мухаммада аль-Бундака «Востоковеды и перевод Благородного Корана» (Бейрут, 1983), содержащий библиографию переводов Корана, изданных до середины 70-х годов.¹⁴ По его собственному признанию, «большую часть» сведений аль-Бундак позаимствовал у того же Мухаммада Хамидуллы. В итоге получилась противоречивая ситуация: в списке языков, на которые переведены смыслы Корана, указан и украинский, однако в приведенной библиографии этот перевод не упомянут вообще (и это при том, что другие рукописные переводы в библиографию включены). Поэтому из списка языков можем лишь узнать, что существует некий украинский частичный перевод, да еще и с использованием латинского шрифта. В итоге опять выходим на свидетельство Мухаммада Хамидуллы, которое в этом случае было единственной основой и для Пирсона, и для аль-Бундака.

Попытки найти перевод Лезевича предпринимались в 90-х годах прошлого века составителями «Всемирной библиографии рукописных переводов Корана» (Стамбул, 1999), подготовленной М. Неджатом Сеферчиоглу при содействии известного Центра исследований исламской истории, искусства и культуры (IRCICA). Содействие в поиске соответствующих данных турецким коллегам оказывал российский востоковед Анас Халидов (1929–2001), который в одном из своих писем сообщал, что перевод Лезевича «может быть связан» (can be connected) с переводами Постникова.¹⁵ Петр Постников (1666–после 1702), согласно исследованиям того

13 Pearson, J. D., "Al-Kuran" // The Encyclopedia of Islam. Ed. by C. E. Besworth, E. van Donzel, B. Lewis and Ch. Pellat. – Leiden: Brill, 1986. – Vol. 5. – P. 1432.

14 Аль-Бундак, Мухаммад Салих. Аль-Мусташирикун уа тарджама аль-Куран аль-Карим. – Бейрут: Дар аль-Афак аль-Джадида, 1403/1983. – С. 151–230.

15 World Bibliography of Translations of the Meanings of the Holy Qur'an in Manuscript form, comp. M. Nejat Sefercioglu. – Istanbul: Research Centre for Islamic History, Art, and Culture, 2000. – P. 288/2.

же Халидова, выполнил целых два перевода Корана с французского языка, так и оставшихся рукописными. Одной из этих работ посвящена статья И. Крачковского (правда, Крачковский считал этот рукописный перевод анонимным, вместо этого приписывая «Посникову» авторство печатного издания 1716 года).¹⁶ В итоге автор «Всемирной библиографии» утверждает, что более детальных сведений о переводе Лезевича найти не удалось; как, впрочем, и самого перевода (в каталогах крупнейших украинских библиотек он действительно не значится). Не совсем понятно и утверждение о «связи» этого текста с первыми переводами на русский – то ли имелось ввиду, что за «перевод Лесевича» приняли перевод Постникова, то ли что украинский текст датируется тем же периодом (что маловероятно, учитывая появление украинского литературного языка лишь через столетие, в конце XVIII века). Как и в предыдущих случаях, опять возвращаемся к первым изданиям «Списка» Мухаммеда Хамидуллы.

Несколько слов о самом Мухаммаде Хамидулле. Этот выдающийся исламский ученый, происходивший из Хайдерабада (Индия), интересовался вопросами переводов Корана уже в 30-е годы. С 1932 по 1938 год он жил в Германии, а в 1948 окончательно эмигрировал на Запад. В известных нам биографических источниках нет сведений о том, что Хамидулла когда-либо посещал Украину (да и вряд ли это было возможно в советские времена) или, по крайней мере, владел славянскими языками. По всей вероятности, Хамидулла опирался на устное сообщение, которое мог получить от кого-либо из украинских эмигрантов в Германии или других странах Запада. Однако не сумев найти надлежащего подтверждения этим словам, Хамидулла сознательно убрал сведения о переводе Владимира Лезевича из более поздних изданий своего списка.

Это предположение, впрочем, несколько не приближает нас к самому переводу. Как и к личности переводчика. На сегодня известен лишь один Владимир Лесевич (разница лишь в одной букве фамилии) – русский философ-позитивист украинского происхождения (1838–1905). Он, в частности, проявлял интерес к религиям Востока (например, к буддизму, а также арабской философской мысли), отметил и на поприще возрождения украинской культуры.¹⁷ Однако это еще не дает оснований отождествлять

16 Крачковский И. Ю. Русский перевод Корана в рукописи XVIII в. // Избранные сочинения. – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1955. – Т. 1. – С. 175-181.

17 Завгородній Ю. Ю. Володимир Лесевич і його зацікавлення Сходом // Наукові записки

«Лесевича» и «Лезевича». Украинский востоковед и переводчик В. Рыбалкин, упоминая в одной из статей этот загадочный перевод (ссылаясь исключительно на Пирсона и Хамидуллу), называет Лезевича «львовянином». ¹⁸ Косвенно «галицкое» происхождение перевода подтверждается и использованием латинского шрифта (об этом, ссылаясь на Хамидуллу, сообщает аль-Бундак), что было довольно частым явлением в Австро-Венгрии, куда Галиция входила до 1918 года. Однако другой исследователь и также переводчик Корана, Ярема Полотнюк (1938–2012), в свое время обнаруживший в Львовской национальной научной библиотеке рукопись более позднего перевода, не упоминает о переводе Владимира Лезевича. В итоге можно лишь сказать, что затерявшаяся рукопись перевода этого загадочного перевода все еще ждет своего первооткрывателя.

Несколько по-другому сложилась судьба того позднейшего перевода, впервые представленного научной общественности Яремой Полотнюком.¹⁹ Речь идет об уникальном труде Олександра Лисенецкого, ныне хранящимся в Львовской национальной научной библиотеке, где у нас и была возможность с ним ознакомиться.

²⁰ Рукопись, состоящая из 1177 листов, набрана латинским шрифтом на стандартной для того времени печатной бумаге (22,5 см. х 14,5 см.). Присутствие латиницы вполне объяснимо: печатных машинок с украинским шрифтом в Галиции тогда практически не существовало.

Сам переводчик очень точно датировал свою работу – работа над первой сурой была начата 29 октября 1913 года, а весь текст, судя по дате, завершен 23 апреля следующего, 1914 года. Листы собраны под темно-синюю обложку с тисненной надписью «Коран» (уже кириллицей). Судя по всему, переплет фолианта был сделан уже в 20-х – 30-х годах в Научном обществе им. Т. Шевченко, где перевод Лисенецкого хранился до 40-х годов прошлого века. Иначе сложно объяснить, почему в содержание суры «Юсуф» ошибочно попали несколько листов художественного произведения «Следами Аретима» (скорее всего, написанного самим переводчиком и затерявшегося среди листов с переводом Корана).

НаУКМА. – 2009. – Т. 89: Філософія та релігієзнавство. – С. 48–53.

18 Рыбалкин В. С. Ідеологічні та лексикологічні рифи у перекладах святого письма мусульман // Східний Світ. – 1998. – №1–2. – С. 126.

19 Дзюбан, О., Полотнюк, Я. З арабської у Львові / Жовтень. –1967. –Но. 3. – С. 133–136.

20 Львівська національна наукова бібліотека ім. В. Стефаника / Відділ рукописів. НТШ-627/1.

О личности переводчика известно немного. Другие материалы из его архива, хранящиеся в той же Львовской национальной научной библиотеке, дают лишь поверхностное представление о его биографии. Указывается, что Александр Лисенецкий работал в бюро переводов города Кракова, а также в страховом обществе «Феникс», уже во Львове. Интересно, что на первом листе перевода фигурирует еще одно слово – Abranczak (можно прочесть как «Абранчак» либо «Абраньчак»), стоящее между именем и фамилией. Эту приставку можно в равной мере считать и отчеством переводчика, и частью фамилии (однако в других документах архива фигурирует лишь «Лисенецкий»). Впрочем, ни как фамилия, ни как имя, Abranczak в Украине не встречается. Да и этимология этого слова представляется совершенно непонятной. Существует схожая польская фамилия Baranczak, однако трудно поверить в то, что автор мог не заметить элементарной опечатки, да еще и на титульной странице.

Место и точные годы жизни переводчика неизвестны. Единственный документ, повествующий о его ранних годах – это сохранившийся «список литературы, прочитанной А. Лисенецким за период 1891–1909г. г.».²¹ Даже учитывая возможное раннее увлечение автора научными изданиями, можно утверждать, что он родился не позднее 70-х годов XIX века. В 1905 году А. Лисенецкий поступил учиться на философский факультет Львовского университета, однако в 1907 году, в силу нехватки средств, вынужден был оставить учебу.[35] Это не помешало ему активно заниматься самообразованием, читая разнообразную литературу (главным образом, филологического профиля). Уже в период между 1907 и 1913 годами Лисенецкий начинает свою трудовую деятельность в качестве переводчика. На основании архивных данных можно судить о Лисинецком как о настоящем полиглоте: кроме польского, немецкого, французского, испанского и итальянского, он владел еще и санскритом (даже перевел с него ряд небольших текстов), новоармянским, новогреческим, венгерским и румынским языком. Согласно документам из его же архива, с 1921 года А. Лисинецкий жил и работал в Варшаве. Сведений о его судьбе после 1922 года пока не имеется.²²

Титульный лист рукописи (если перевести на русский) звучит довольно просто и четко: «Коран. С арабского перевел Александр

21 Список літератури, прочитаної О. Лисенецьким за період 1891 – 1909 рр. / Львівська національна наукова бібліотека ім. В. Стефаника. Відділ рукописів // НТШ-627/4.

22 Львівська національна наукова бібліотека ім. В. Стефаника. Відділ рукописів // НТШ-627/1-9.

Абранчак Лисенецкий. Том I. Львов, 1913». В итоге, как уже отмечалось, все издание уместилось лишь в один том. Поскольку в сохранившихся архивах нет сведений о том, что Лисенецкий был знаком с арабским, сразу же возник вопрос о том, переведен ли текст с оригинала или все же с языка-посредника. Оказалось, что заглавие не совсем отвечает содержанию: простое сравнение с европейскими трудами того времени показало, что основой для работы Александра Лисинецкого послужил немецкий перевод Корана Макса Хеннинга (Лейпциг, 1901).²³ В некоторых местах украинский переводчик даже приводит в скобках немецкие слова (например, *hinfällig* для «преклонный» в 85 аяте 12-ой суры).

Приведем несколько наиболее показательных примеров. Так, Макс Хеннинг перевел 138 аят (в издании Флюгеля, которым пользовался переводчик – 132) суры аль-Бакара следующим образом: *Die Taufe Allahs (haben wir), und was ist besser als Allahs Taufe? Und wahrlich, ihm dienen wir.* Украинский перевод в этом случае почти дословный: «Крещенье Аллаха (маємо ми), а що є ліпше від хрещення Аллаха? І справді, йому ми служим». Кстати, поскольку текст набран латиницей, не совсем понятно, как сам Лисенецкий читал слово *Allah* – то ли через звук «х», то ли через мягкое украинское «г». Дословную передачу (вплоть до кавычек) находим и в следующем случае: начало 41-го аята суры аль-Калям в немецком тексте записано в таком варианте: *Oder haben sie "Gefährten"?* Украинский текст аналогичен: «Або чи мають вони "Товаришів"»? Показателен и перевод 4 аята из суры аль-Бакара: арабское *улаика* 'аля худ-ан мин раббихим Макс Хеннинг описательно перевел как *Diese folgen der Leitung ihres Herrn.* Такой же описательный перевод находим у Лисенецкого: «Вони слідуєть за проводом свого володаря». Наконец, дословно совпадают и комментарии, размещенные в немецком издании на каждой странице, а у А. Лисенецкого – после каждой суры. Украинский переводчик точно передает все примечания, даже весьма малоинформативные: в сноске к лексеме *ас-сакалайн* в суре ар-Рахман находим интересное признание Макса Хеннинга: *Warum ist Menschen und Dschinn sogenannt werden, ist nicht bekannt.* Лисенецкий переводит это буквально: «чому люди і джини названі так – не знаю». Следуя немецкому тексту, в украинском переводе встречается и христианская терминология: слово *имам* из 124 аята (118 по Флюгелю) суры Аль-Бакара Хеннинг

23 Der Koran. Aus dem Arabischen übertragen und mit einer Einleitung versehen von Max Henning. – Leipzig: Verlag von Philipp Reclam, 1901. – 611 p.

поясняет как *Nohepriester*, в силу чего и Лисенецкий в комментарии пишет украинское «архіпастир».

Почему украинский переводчик избрал именно перевод Хеннинга? Отметим, что, по нашим сведениям, труд Лисенецкого является единственным переводом Корана на славянский язык, выполненным с немецкого. Остальные переводы выполнялись либо с французских текстов (русские М. Веревкина (1790), К. Николаева (1864), польский «филоматский» (1848) и, частично, Мурзы Бучацкого (1858)), либо с английских (русский А. Колмакова (1792), болгарский Томова и Скулава (1930)). Судя по всему, тут сыграли свою роль два фактора: во-первых, прекрасное знание немецкого украинским переводчиком, во-вторых, новизна и доступность издания Хеннинга. Несмотря на ряд неточностей и традиционную для западного востоковедения того времени тенденциозность, этот труд до сих пор пользуется завидной популярностью: до 2000 года вышло в свет порядка 30 изданий, как стереотипных, так и со значительными исправлениями.²⁴ Немало аятов переведены Хеннингом довольно точно, что во многом способствовало сохранению общего смысла и в украинском тексте.

Нельзя не отметить того факта, что, с точки зрения сопоставления с источником (то есть, в данном случае, немецким текстом), перевод Лисенецкого удался. Переводчик прибегает к разнообразным художественным приемам, придавая своему стилю насыщенность и даже определенную патетичность. Для львовского читателя тех лет этот перевод смыслов Корана мог звучать так же возвышенно, как, например, литургия в греко-католической церкви. Например, один из важнейших аятов суры аль-Маидда звучит у Лисенецкого так: Нині покінчив я вам вашу віру і виповнив на вас мою ласку і мою волю є, щоб іслам був вашою вірою (Коран, 5:3). А вот как поэтически звучит в украинском переводе сура ат-Тин: «В імені Аллаха Милостивого, Милосердного! На фігу і на дерево оливне, і на гору Синай! І на сей безпечний край! Воістину, створили ми чоловіка в найкращій стати, опісля зробили ми його найнижчим з низьких, щ витикою тих, які вірують та творять слухне; для них буде нескорочена заплата. І як же ж ти можеш після сего заперечувати суд? Чи Аллах не є найсправедливішим судією?» (Коран, 95: 1-8).

24 Von Denffer, Ahmad. History of the Translation of the Meanings of the Qur'an in Germany up to the Year 2000. A Bibliographic Survey // Journal of Qur'anic Research and Studies. – Vol. 3. – 2010. – P. 29-30, 44-46.

Немало в тексте и диалектизмів, преимущественно галицкого происхождения. Например, в 16 айте (15 по нумерации Флюгеля) читаем: «Вони се є, що покупили собі поману за провідника, але се купно не принесло їм ніякого хісна і ніколи їх не проваджено». Лексемы «помана» («заблуждение», «наваждение»), «купно» («покупка», «торг») и «хісен» («выгода», «прок») относятся именно к диалектизмам.[41] Отметим также, что, судя по исправлениям в тексте, сделанным самим автором, Лисенецкий сразу готовил «чистой» вариант. Поскольку, как было указано выше, работа была завершена всего за семь месяцев (с октября 1913 по апрель 1914), следует отдать должное мастерству и трудоспособности переводчика.

Актуален ли труд Лисенецкого сегодня? Наверное, да. К примеру, в Польше в 2010 году был переиздан так называемый «перевод филоматов» (выполненный Игнацы Домейко и Дионизом Хлевинским с французского перевода А. Биберштейна-Казимирского), впервые выпущенный в Познани в 1848 году.²⁵ В России, также в 2010 году, появилось репринтное издание перевода Алексея Колмакова (переведенного с английского текста Д. Селя и напечатанного в 1792 году).²⁶ Как видим, в соседних государствах интерес к старым переводам не угасает, а наоборот, даже возрастает. Не будем вдаваться в рассуждения о том, стоит ли переиздавать сегодня труд Лисенецкого, однако следует отметить, что забыт он совершенно не заслуженно. Этот текст – уникальный памятник рецепции Корана в украинской культуре, и, несомненно, должен занимать видное место в истории отечественной науки и литературы.

Следующие переводы смыслов Корана, уже выполненные с оригинального арабского текста, появились лишь в конце XX века. Первым из них стал перевод поэтических мекканских сур, выполненный львовским востоковедом Яремой Полотнюком (1935–2012), выпускником Ленинградского университета. Текст перевода был впервые опубликован в 1990 году, в журнале иностранной литературы «Всесвіт». ²⁷ Ярема Полотнюк подготовил и соответствующее предисловие к своему переводу, где вкратце изложил раннюю историю ислама, вопросы кодификации и переводов Корана. Это введение завершается следующими словами: «И все же будем верить, что мир улучшается и наше знакомство с Кораном будет

25 Koran. Przekład filomatów. – Warszawa: Armoryka, 2010. – 155 s.

26 Ал Коран Магомедов, переведенный с арабского языка на английский. – М.: Книга по Требованию, 2012. – 486 с.

27 Коран. З арабської переклав Ярема Полотнюк // Всесвіт. – 1990. – №6. – С.90-129.

способствовать движению двух удаленных и исторически чуждых миров навстречу друг другу».

Сам перевод, в основе которого лежало каирское издание оригинала, отличается блестящим литературным стилем. Полотнюк избрал технику перевода, которую современные лингвисты обозначают термином *“dynamic equivalence”*, то есть «динамическое соответствие». В таком переводе нет места «дословностям», малопонятной читателю инверсии, злоупотреблениям «непереводимыми» понятиями или неологизмам: здесь находим художественно обработанный текст. Например, начало суры «аз-Зарийат», породившей немало толкований, звучит у Полотнюка так: «Клянуся вітрами, які віють на всі сторони світу, І хмарами, які набрякли дощем, І кораблями, які долають водні простори, І ангелами, які виконують Боже веління» (Коран, 51:1-4). Здесь, несомненно, находим целый ряд вставок: слов вітер («ветер»), хмара («облако»), корабль («корабль») и других, которых в оригинале нет. У И. Крачковского (то есть в самом «дословном» русском переводе), к примеру, читаем: «Клянусь рассеивающими милосердного! И несущими ношу, и текущими с легкостью, и разделяющими повеления!» (Коран, 51:1-4). Однако дополнительно введенные обороты (а они, в данном случае, действительно упоминаются в авторитетных тафсирах)²⁸ не оставляют читателя в неведении относительно смыслов Корана, способствуя более целостному восприятию текста. Можно, конечно, ставить под сомнение терминологическую адекватность некоторых вставок (к примеру, выражение «высшая сила» («вища сила») в переводе 22 айата 85-той суры), однако во многих других местах интерполяции не подменяют собой общий смысл оригинала.

Отметим также, что ключевые моменты Ярема Полотнюк объясняет в примечаниях (а таких более сотни). Хотя из комментаторов Корана по имени упомянут лишь аз-Замахшари (1074-1143), довольно часто автор перевода приводит мнения и других толкователей (просто отмечая «некоторые комментаторы говорят...» и т.д.).

За исключением еще нескольких мекканских сур (в частности, «Йа. Син»), работа Яремы Полотнюка не нашла своего логического завершения, оставшись хоть и первым украинским переводом Корана непосредственно с арабского языка, но все же частичным. Фрагменты перевода печатались в учебниках по зарубежной

²⁸ См., например, толкование от 'Али ибн Абу Талиба в тафсире ибн Касира: Ибн Касир. Тафсир аль-Кур'ан аль-'Азым / Ред. Сами б. Мухаммад ас-Саляма. – Эр-Рияд: Дар Тайба, 1420/1999. – Т. 7. – С. 413.

литературе, в разные годы входили в школьную программу. Да и сегодня перевод Полотнюка привлекает немало читателей, в том числе и благодаря своим художественным особенностям.

Следующая попытка перевести смыслы Корана на украинский язык – это труд украинского арабиста Валерия Рыбалкина (род. 1952), выпускника Восточного факультета Ленинградского университета. До сегодняшнего дня были опубликованы несколько фрагментов – суры 1–4 (отдельное издание, с предисловием и критическим аппаратом²⁹ и ряд старейших мекканских сур.³⁰ Сам переводчик, позиционируя свою работу как академическую, в некотором смысле продолжает традиции русского востоковедения (недаром находим так много ссылок на М.-Н. Османова, В. Ушакова, И. Крачковского, Т. Шумовского и других арабистов). Обширные научные комментарии дают возможность и оценить различные варианты перевода, и ознакомиться с грамматическими особенностями оригинала, и рассмотреть позицию экзегетов. Наиболее часто (по крайней мере, при переводе первых четырех сур) переводчик обращается к тафсиру «двух Джалялей» (Джалалайн), работам ат-Табари, ибн Касирам и ряду современных комментариев. В отличие от перевода Яремы Полотнюка, в этой работе все интерполяции специально обозначены скобками, а их источник (обыкновенно, тафсир) указан в примечаниях. Кроме того, В. Рыбалкин сохраняет и коранические варианты собственных имен, и, самое главное, исм аль-джаляля, «Аллах».

Очень часто встречаются и сравнения с Библией, особенно в части общих для ислама, христианства и иудаизма сюжетов. Например, слова 'Исы «инна Ллаха рабби уа раббакум» (Коран, 3:51) Валерий Рыбалкин предлагает сравнить с библейским «восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему» (Ин. 20:17). 259 аят суры аль-Бакара (история путника, проходившего мимо разрушенного селения) украинский переводчик называет «реминисценцией библейского рассказа о видении пророка Иезекииля». Подобные параллели встречаются и в других местах перевода, играя роль «моста» между библейской и коранической традициями.

Язык перевода весьма современен. Например, аят аль-курси звучит в переводе Рыбалкина так: «Аллах – немає божества, крім Нього,

29 Коран. Дослідження, переклад (фрагмент), коментарі В.С.Рибалкіна. – Київ: Стилос, 2002. – 271 с.

30 Коран. Найдавніші сури («есхатологічні»). Переклад з арабської та коментарі В.С. Рибалкіна // Східний світ. – 2011. – №. 4. – С. 155-174.

вічно Живого, Сущого; не бере Його ні дрімота, ні сон; Йому належить те, що в небесах і на землі. Хто шукатиме заступництва в Нього, без Його на те волі? Він знає про їхнє майбутнє та їхнє минуле. Вони ж осягають тільки ту децицію Його знань, яку Він побажас. Трон Його охоплює небеса і землю, і неважко йому охороняти їх, бо Він – Високий, Великий» (Коран, 2:255). Литературный язык перевода Рыбалкина и внимательность к оригиналу делают этот текст весьма подходящим для цитирования в научных работах. Приложения к переводу, вошедшие в издание 2002 года (например, сведения о мусульманской экзегетике) остаются хорошим подспорьем для начинающих изучать эту область исламской культуры. Отдельные комментарии, несомненно, могут вызвать вполне целесообразную дискуссию (например, утверждение переводчика о том, что аят аль-курси может быть «переводом христианского либо еврейского гимна»), однако в работе, построенной, как и перевод И. Ю. Крачковского, на традициях классического ориентализма, это вполне ожидаемо.

Несколько лет тому был подготовлен к печати и перевод смыслов Корана, выполненный автором этой статьи. В основу перевода, помимо арабского текста, были положены суннитские тафсиры, в частности, работы ат-Табари (839–923), аль-Багауви (ум. 1122), ибн Касира (1301–1373) и других известных комментаторов (их пояснения включены и в примечания). При выборе вариантов перевода главную роль играли акваль ар-раджиха, то есть «приоритетные» толкования авторитетов. Сделана попытка выработать специальный «мусульманский стиль» украинского языка. Работа, прошедшая необходимое редактирование и экспертизы в Центре короля Фахда по изданию Священного Корана (Медина, Саудовская Аравия), вышла из печати в 2013 году.³¹ После этого появилось еще семь изданий общим тиражом более 30,000 экземпляров, каждое из которых дополнялось новыми комментариями (2015 – «Основы», Киев, 2016 – Ассоциация мусульман Украины, Днепр, 2016, 2017 – Управление по делам религии Турецкой республики, Анкара-Стамбул, 2016, 2017; Духовное управление мусульман Украины «Умма», Киев, 2017, Медресе Синан-Паша, Стамбул, 2018). На сегодняшний день доступна как аудио версия перевода, так и онлайн-версия (на многих исламских ресурсах), что быстро сделало его самым популярным для цитирования.

31 Преславний Коран. Переклад смислів українською мовою. Переклав з арабської Михайло Якубович. Медина, 1434/[2012-2013].

В 2010 году появился еще один перевод Корана, изданный украинским писателем, издателем и культурным деятелем Валерием Басыровым (род. в 1947).³² По собственному признанию автора перевода, он, в силу незнания языка, опирался не на арабский текст, а на переводы. В третьем издании перевода Басырова указан и соответствующий список источников, включающий переводы И. Крачковского, Э. Кулиева, М.-Н. Османова, Б. Шидфар, а также русские переводы тафсиров 'Абд ар-Рахмана ас-Са'ди и «аль-Мунтахаб». Предисловие к изданию написано одним из мусульманских лидеров Украины, главой Президии «Киевского муфтията» Канафией-хазратом Хуснутдиновым. Во многих местах своего перевода автор располагает соответствующие интерполяции, служащие объяснениями, а также вставные слова, выделенные курсивом. Заметно, что наибольшее влияние на труд Басырова оказывал именно текст перевода Кулиева. Судя по изменениям, которые переводчик вносит в каждое следующее издание своего текста, он все еще не склонен рассматривать свою работу как окончательный вариант. Популярности эта работа не приобрела и сразу стала библиографической редкостью.

Подведем итоги. Несмотря на длительные контакты Украины со странами исламского мира (Булгарией, Крымским ханством, Османской империей), вопрос перевода смыслов Корана на украинский язык стал актуальным лишь в новейшее время. Во многом это связано с культурной ситуацией в разделенной между соседними государствами Украине, ситуации, которая способствовала скорее консервации собственного, чем интересу к «чужому». Опыт других языков показывает, что внимание к переводам Коран зависит даже не столько от присутствия «исламского фактора», сколько от возможностей развития национальной культуры. Например, в Чехии, где количество мусульман в процентном отношении чуть ли не наименьшее в Европе, в XX веке появилось целых четыре полных перевода смыслов Корана (И. Веселы, 1913, А. Ныкла, 1934, И. Грбек, 1972, группа ахмадитов, 1990). Хочется верить, что и в Украине будет запрос и на переводы смыслов Корана, и на пояснительную мусульманскую литературу (в частности, тафсиры).

Не следует, впрочем, возлагать на перевод больше, чем он может «выдержать». Ведь, согласно исламскому вероучению, «Кораном» является исключительно арабский текст, а не его перевод или

32 Коран. Переклади смислів українською мовою В. М. Басирова. – Сімферополь: Доля, 2011. – С. 8.

интерпретация. Да и, с точки зрения доктрины 'иджаза, то есть неподражаемости, не может быть «правильного» (в абсолютном смысле этого слова) перевода, отражающего все особенности Корана. Поэтому каждый новый перевод, исходя из опыта предыдущих, открывает все новые страницы восприятия коранического текста национальной культурой. Часть переводчиков видит своей целью передачу поэтизированного «духа» Корана, другие пытаются отразить какое-то одно, специфическое истолкование, а третьи (и это наиболее правильно!) ставят в основу неуклонное соответствие перевода вероучительной доктрине. В случае с переводами смыслов Корана на украинский язык (в отличие от русского, где уже существует своя традиция), все существующие работы еще ждут своей популяризации, изучения в школах и вузах, цитирования в научных, научно-популярных и литературных трудах. Хочется верить, что с годами интерес и к исламу, и к Корану, будет в Украине лишь возрастать.

Михайло Якубович

Translations of the Qur'an into Ukrainian language: short history

Keywords: Ukrainian language, Qur'an, translations, exegetics.

Abstract: The article is dedicated to the translations of the Qur'an into Ukrainian language. Starting from the Early Modern times (Ukrainian elements in the texts of Polish Tatars), the study covers first Ukrainian translation, made by 1913-1914 in Lviv on the basis of German text. Other recent contributions are analyzed as well, for example, academic translations by Yarema Polotnyuk and Valerii Rybalkin. Apart from the secondary and partial translation, the author of the study also reveals his own approach to the translations of the Qur'an, appeared in 2013 and published already seven times in Saudi Arabia, Turkey and Ukraine.